

Алексей Обухов

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

С середины XX века над человечеством маячит невиданная угроза – ядерная бомба. Эту угрозу не способны затмить или отодвинуть отвратительные эскапады террористов-фундаменталистов. Конечно, есть, по-видимому, угрозы и покрепче, вроде таинственной галактики, которая, по сообщениям астрофизиков, перемещается из глубин космоса в направлении системы Млечного пути. Но то – космические силы, за них человек не в ответе.

Другое дело – атомная бомба. Обретение человеком военного средства, способного единым махом уничтожить плоды земной цивилизации – обстоятельство экстраординарное. В историческом масштабе освоение ядерной энергии – мирное и военное – возможно, самое судьбоносное научно-техническое достижение отгремевшего двадцатого столетия. Видимо, не случайно трагическое мироощущение Александра Блока:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень люциферова крыла.

Доселе признавалось, что неоспоримую ответственность за продолжение жизни человеческого рода несет Создатель – высшее Божество. Религиозный философ С.Н. Булгаков в предвоенные годы писал:

«Человеку еще предоставлено самоубийством ускорить личную свою смерть, но отстранить ее неотвратимое приближение ему уже не дано; по отношению же к мировой смерти он не знает ни дня, ни часа, ибо она всецело есть дело воли и всемогущества Небесного Отца»¹.

Создав и накопив оружие свержения, каковым является ядерная бомба, человек посягнул на божественные prerogatives, ибо гибель земной цивилизации в результате ядерной войны была бы равносильна булгаковской *мировой смерти* – о существовании разумной жизни где-либо в других районах Вселенной нам достоверно ничего не известно. Можно поставить вопрос: способен ли греховный по своей природе человек рационально распорядиться этим по существу сверхчеловеческим потенциалом?

ДВА ПОДХОДА

За годы, прошедшие со времени создания ядерного оружия, общественное отношение к нему пережило несколько метаморфоз. Вначале на ядерную бомбу многие смотрели как на экзотику – грозную, но все же слишком экстравагантную, чтобы быть использованной в реальной войне – жестокие и в большой степени политические американские бомбардировки двух японских городов не в счет. Потом пришло привыкание к ядерной

А
Н
А
Л
И
З

бомбе – как к неизбежной составляющей холодной войны между блоком социализма и капиталистическим лагерем.

На этом фоне сложились два отличающихся друг от друга подхода к ядерной проблеме – государственнический и пацифистский. Государственники по обе стороны политико-идеологического фронта поддерживали и подгоняли ядерную гонку в интересах национальной обороны. Пацифисты, напротив, критиковали водородную бомбу как оружие геноцида, требовали запрета на применение ядерного оружия, прекращение его испытаний, чтобы в конечном счете достичь ядерного разоружения.

Понемногу элементы пацифистской идеологии проникли и в умы государственников – по мере того, как ответственные политики удостоверились в опасностях, которые несет с собой бесконтрольное наращивание ядерных вооружений. Это подтолкнуло главных антагонистов в биполярном противостоянии – СССР и США – приступить к переговорам с целью ограничения и сокращения ядерных арсеналов. Тогда же родилась и была закреплена путем международного договора концепция нераспространения ядерного оружия – важный инструмент поддержания глобальной стабильности.

Во вред атомная бомба или во благо? Радоваться или сокрушаться по поводу ее изобретения? Возможно ли вообще однозначное суждение по этой теме?

По-видимому, простым голосованием эту проблему не решить. Результат подобного референдума, скажем, среди жителей Хиросимы и Нагасаки можно предвидеть заранее: он был бы негативным. Это подтверждают ежегодно проводимые церемонии в этих городах, посвященные памяти жертв атомных бомбардировок. По-иному могут смотреть на дело ученые-атомщики, которые не готовы к тому, чтобы их огульно причисляли к тем, кто несет зло людям.

Неожиданную грань в ядерной проблематике обнаружил не так давно митрополит Нижегородский Николай, который, применительно к результатам труда ученых в атомном центре Арзамас-16, высказал предположение: «Может, как раз молитвы Батюшки Серафима помогли тому, что создано оружие, которое стояло на страже России, за благо которой молился угодник Божий Серафим на камне в Саровском лесу»².

В этом рассуждении немало соблазнительного. Оно вроде бы лежит в русле тенденции на упрочение авторитета православной церкви в России. И все же подключение постскрипту популярного святого к государственным программам по созданию и совершенствованию ядерного оружия в СССР не может не вызывать вопросов. Что-то в глубине души сопротивляется водружению ореола святости вокруг атомной бомбы, применение которой чревато Армагеддоном.

Атомное оружие породило в мировой политике целый сонм проблем. Морально-этическая оценка феномена атомной бомбы не допускает упрощенчества. Позиция прямолинейной религиозной партийности в этой области мешает объективному восприятию.

Американские физики, с высокой самоотдачей работавшие над созданием атомной бомбы, изначально нацеливались на то, чтобы парировать ядерные амбиции гитлеровской Германии, которые, к счастью, оказались нереализованными. Потом отцы-основатели ядерного потенциала США обеспечивали *сдерживание* сталинского коммунизма. В СССР эта американская активность воспринималась в ином свете – как вызов и прямая угроза безопасности страны. Отсюда – соответствующая мотивация у советских ученых и конструкторов в секретном Арзамасе-16. В условиях острой политической конфронтации разграничение *добраго* и *злого* применительно к ядерному оружию в Америке и в Советском Союзе толковалось с противоположных позиций.

В сущности, высокое морально-этическое предназначение признавалось только за собственным, национальным ядерным оружием. Морально-этические символы обслуживали интересы политической пропаганды.

Напряженные дискуссии о том, какое именно ядерное оружие – советское или американское – является негативным фактором в мировом раскладе сил, велись и на дипломатическом помосте. Вспоминается следующий случай.

На возобновившихся в первой половине 1985 г. советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям американская сторона стремилась доказать, что советские тяжелые МБР (а в сумме это составляло более трех тысяч ядерных боеголовок) представляют собою дестабилизирующий элемент ядерного противостояния и, следовательно, должны сокращаться в первую очередь. В противовес такому подходу советская сторона выступала за сокращения, которые учитывали бы исторически сложившиеся структуры СНВ в СССР и США и не вели бы к необходимости переиначивать их с неизбежными громадными дополнительными расходами. Претензии по поводу дестабилизирующих свойств, якобы характерных для советских СНВ, делегация СССР отводила.

Отголоски полемики на переговорах дошли до журналистов. В одном из номеров американской *International Herald Tribune* появилась карикатура, на которой были изображены американская МБР *MX* и советская тяжелая МБР *СС-18* – в позе наклонившихся друг к другу бойцов, готовых сойтись в схватке. На обшивке американской ракеты в унисон с ее официальным наименованием *Peacekeeper* (*Миротворец*) карикатурист сделал надпись, что это благородное, миролюбивое и даже богобоязненное оружие. Напротив, советская тяжелая ракета была отрекомендована сугубо отрицательными эпитетами – злобная, агрессивная, негуманная. Недаром по натовской классификации она значится как *Сатана*.

Автор этих строк во время протокольного мероприятия в ходе беседы со своим коллегой с американской стороны – послом Джеймсом Гудби – в подкрепление собственной аргументации на официальных встречах показал ему вырезку из газеты с этим шаржем. Хотелось в очередной раз провести мысль, что не следует сопоставимые системы ядерного оружия с точки зрения влияния на стратегическую ситуацию оценивать по-разному – в зависимости от их национальной принадлежности. Американский представитель, как мне показалось, признал за автором рисунка тонкое чувство юмора. Дискуссия во-круг тяжелых МБР, однако, не утихла еще долгие годы.

ЗЛО ЕСТЬ ДОБРО

Ядерная бомба не с потолка свалилась на голову ошеломленного человечества – она явилась продуктом длительной погони за сверхоружием. К военно-технологическому соперничеству подталкивает политика – неизжитая склонность решать возникающие международные проблемы посредством угрозы силой или ее прямым использованием.

Насилие и войны сопровождают человеческое общество с начала его писаной и неписаной истории. Одно время было популярным погружаться в подсчет – сопоставлять периоды войн и годы их отсутствия во всемирной истории. Получалось, что на мир приходится малая доля процента. По большому счету, по-видимому, мир и война на планете Земля соседствовали постоянно.

Мастеру кино Стэнли Кубрику в одном из фильмов удалось с редкой выразительностью показать эволюцию средств вооруженной борьбы. Две группы обильно поросших шерстью первобытных *homo sapiens* пробираются сквозь чащу, двигаясь на встречных курсах. На поляне между ними завязывается бой – за жизненное пространство. Древние люди чем попало истово колотят друг друга – до изнеможения, до смерти. В живых остаются только двое соперников. Один из бойцов хватает оказавшуюся поблизости белую берцовую кость – останки от чьих-то предыдущих стычек – и наносит ей последний, разящий удар. Победитель плюхается на спину и в знак торжества бросает вверх оружие победы. Кружась, кость, подобно птице, выше и выше взмывает в голубое небо и вдруг – превращается в космический корабль, плывущий по орбите, в персонаж *звездных войн*.

Сейчас у ряда государств имеется оружие небывалой силы. Человечество обрело способность совершить акцию самосожжения. Самого худшего, однако, не происходит. Почему?

Адепты укрепления ядерной мощи дают однозначный ответ – благодаря действующему между государствами-участниками военному противостоянию существует взаимное ядерное сдерживание/устрашение. В рамках этого механизма каждую из сторон отсюда решиться на ядерную агрессию удерживает страх перед ответным сокрушающим ударом возмездия.

Главный моральный недостаток ядерного оружия – его избыточная и неизбирательная разрушительная сила внушает ужас, который повергает в ступор самых задиристых стратегов. Получается, что моральный изъян ядерного оружия вовсе и не порок, а достоинство, коль скоро возникновение войны, по сути, заблокировано. Злое начало оборачивается добром.

Эту морально-этическую двойственность атомной бомбы на заре ядерного века подметил крупный американский политолог теологического направления Рейнхольд Нибур:

«...необходимость использования угрозы атомного уничтожения в качестве инструмента для сохранения мира представляет собою трагический элемент в нашей современной ситуации. Трагедия вызывает восхищение и одновременно – сожаление, поскольку она сочетает в себе высокое благородство и греховность»³.

Возможно, ядерную бомбу следует считать ярким выражением противоречивости, трагедийности развития человеческой цивилизации в целом?

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННИКОВ

Холодная война, вспыхнувшая после завершения разгрома держав оси и, в сущности, представлявшая собою системный, растянувшийся на несколько десятилетий глобальный кризис всей совокупности международных отношений, отличалась необычайным ростом напряженности на мировой арене. На этой почве возникали острые кризисы, а то и крупные войны: на Корейском полуострове, в Индокитае, на Ближнем Востоке, вокруг Берлина и Кубы и т.д. Холодная война вбирает в себя множество составляющих. Ее мотором было, во-первых, политико-идеологическое противостояние между социализмом и капитализмом.

В СССР негодовали по поводу речи Уинстона Черчилля о *железном занавесе* в Европе, с которой он выступил в марте 1946 г. в г. Фултон (штат Миссури) в присутствии американского президента. Из речи английского премьера было не совсем ясно, кто именно опустил *занавес*, но карикатуры на Черчилля в газете *Правда* с тех пор носили исключительно враждебный характер. *Занавешивателем* Советского Союза был объявлен капиталистический Запад, вознамерившийся тем самым подорвать социалистический строй. Ответ советского руководства последовал на XIX съезде партии (1952 г.), на котором И.В. Сталин заявил, что Запад выбросил за борт знамя буржуазно-демократических свобод. Суровый приговор.

Вторым не менее значимым компонентом холодной войны стало напряженное советско-американское соревнование в наращивании ядерного вооружения.

В 1945 г. руководство как США, так и СССР не было склонно к рефлексии по поводу морально-этических аспектов атомной бомбы. Атомное оружие представлялось, прежде всего, новым неотъемлемым измерением силовой политики. Вопросы, связанные с таким оружием, были занесены в досье под рубрикой *национальная безопасность*, с допуском к нему ограниченного круга особо доверенных лиц. Атомные программы получили абсолютный приоритет – как в Москве, так и в Вашингтоне. При чем здесь этика – сплошная политика. Так рассуждали и действовали государственники.

Гарри Трумэн, сменивший на посту президента США Франклина Рузвельта, скончавшегося в апреле 1945 г., в раздражении по поводу усиления международных позиций СССР в результате Второй мировой войны и последовавших геополитических сдвигов, заболел уже не о союзничестве, а о конфронтации с Москвой. Отсюда затеянный Трумэном на конференции в Потсдаме летом 1945 г. разговор со Сталиным о беспрецедентном по силе американском оружии – по итогам первого испытания атомной бомбы в Аламогордо. Президент рассчитывал перевести атомную мощь на язык дипломатического давления.

В Потсдаме Сталин, заранее имевший предупреждение от разведки о предстоящем американском испытании, не подал виду, что встревожен. По свидетельству Г.К. Жукова, по возвращении с заседания конференции произошел следующий обмен репликами между членами советской делегации: «...И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И.В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы». Я понял, что речь шла о работе над атомной бомбой»⁴.

Сталин не оставил после себя мемуарных записей. Его кончина была внезапной. О его взглядах на атомную бомбу свидетельствуют люди, встречавшиеся с ним.

О знаменательном эпизоде рассказывает чекист П.А. Судоплатов. В конце 1945 г. для участия в заседании СМВД в Москву прибыла американская делегация во главе с госсекретарем Дж. Бирнсом. В делегацию входили один из руководителей американского ядерного проекта Д. Конант и посол США в Москве А. Гарриман. Американские представители предложили советской стороне наладить сотрудничество в области атомной энергии, а также ознакомить с секретами атомной бомбы в обмен на отказ СССР от ее производства. По сути, это было предложение в духе выдвинутого позднее «плана Баруха», отвергнутого Москвой как направленного на закрепление американской атомной монополии.

Судоплатов, официально представленный американцам помощником Молотова, вспоминает: «...22 декабря на обеде в честь американской делегации в Кремле произошел знаковый разговор, известный мне как одному из очевидцев, участвовавших в оформлении его записи, в подробностях. Молотов, комментируя замечания Бирнса и Конанта о возможном графике передачи СССР данных об американской атомной бомбе, пошутил: «Уж не хотите ли Вы извлечь нам для ознакомления привезенные в Москву чертежи атомной бомбы из жилетного кармана?»

Сталин резко оборвал Молотова. Я даже поразился его грубости по отношению к своему соратнику в присутствии американцев. Навсегда запомнились его слова:

«Атомная энергия и бомба – достояние всего человечества, это не предмет для шуток. Я поднимаю тост за великих американских физиков, совершивших это выдающееся открытие»⁵.

Надо полагать, Сталин не меньше не доверял американской дипломатии. Но в тот момент он, видно, не определился окончательно по поводу концепций, которые потом легли в основу «плана Баруха», и считал необходимым вначале выяснить существование американской позиции. Атомная проблематика слишком серьезна, чтобы проявлять поспешность и легковесность в суждениях. Поэтому шутка Молотова была дезавуирована.

А вот другой очевидец сталинских взглядов на ядерное оружие. Милован Джилас, побывавший в начале 1948 г. на традиционном полуночном званом обеде у Сталина, следующим образом передает одну из реплик вождя:

«Сталин заговорил об атомной бомбе: «Это мощная штука, мощ-на-я!» Его слова были полны восхищения, которое давало понять, что он не успокоится до тех пор, пока у него тоже не будет «мощной штуки». Но он не упомянул о том, что она уже есть у него или что СССР уже разрабатывает ее»⁶.

В 1949 г. в Кремле накануне первого испытания советской атомной бомбы один из руководителей атомного центра Арзамас-16 Ю.Б. Харитон докладывал Сталину о состоянии дел. После доклада Сталин спросил: нельзя ли из одной бомбы при таком же количестве плутония сделать две бомбы? Харитон ответил, что это невозможно. Как опытный оружейник, Сталин вникал в детали. Кстати, первая советская атомная бомба была обо-

значена шифром *РДС-1* – то есть *реактивный двигатель Сталина-1*. Вторая (испытана в 1951 г.) – *РДС-2*. На Западе советские бомбы по наитию нарекли *Джо-1* и *Джо-2'*.

Как известно, на заре атомной эры крупнейший датский физик Нильс Бор, а до него англичанин Эрнст Резерфорд выражали сомнение в возможности освоения человеком энергии атома. По мнению Бора, для этого потребовалось бы экономику целого государства превратить в огромную фабрику, работающую исключительно на нужды создания бомбы.

Однако после 1945 г. в Вашингтоне и Москве, исходя из политической целесообразности, не пожалели средств на создание, совершенствование и накопление ядерных, а потом и ракетно-ядерных потенциалов. Продвижение по этому пути стало чем-то вроде национальной идеи для обоих государств. Призванная не допустить ядерную схватку, концепция сдерживания/устрашения в условиях военно-политической конфронтации все более интенсифицировала ядерное соперничество. Запасы ядерной взрывчатки стали исчисляться десятками тысяч боезарядов у каждой из сверхдержав. Над миром нависла реальная угроза ядерного катаклизма. В этом, собственно, и состояла гибельная логика холодной войны, в соответствии с которой инструмент сдерживания превращается – в результате неумолимой погони за военным превосходством – в орудие ядерного холокоста.

Стоило больших усилий, чтобы остановить это скольжение по наклонной плоскости и переключить мировую политику на рельсы ограничения и сокращения ядерных вооружений. Важнейшей предпосылкой (равно как и результатом) такого поворота стало ослабление, а потом и прекращение холодной войны.

ЗА ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР

Как уже отмечалось, другой, наряду с гонкой ядерного оружия, характерной особенностью политики в годы холодной войны было непримиримое идеологическое соперничество между миром капитализма во главе с Соединенными Штатами и миром социализма в лице СССР и его союзников. В советском руководстве исходили из того, что итоги Второй мировой войны подтвердили историческую закономерность, состоящую в поступательном движении человечества в направлении коммунистической формации.

Уже на пенсии В.М. Молотов в беседах с Ф.И. Чуевым, говоря о настроениях в Кремле в послевоенный период, отмечал:

«Сталин вел дело к гибели империализма и к приближению коммунизма [...] Нам нужен был мир, но по американским планам двести наших городов подлежали одновременной атомной бомбардировке. Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а Третья навсегда закончит с империализмом»⁸.

В рассуждениях Молотова главное – идеологическая установка, видение исторической перспективы. Но в них же, насколько можно судить, и ставка на победоносный для сил социализма исход предстоящей ядерной схватки.

На мировой арене происходило столкновение двух сил: американской, возлагавшей надежды на монопольное обладание атомным оружием, и советской – с отмобилизованной массовой армией, доказавшей свою боеспособность на полях Второй мировой войны. Осведомленным политикам было очевидно, что не за горами время, когда в руках СССР появится собственное атомное оружие.

Сочетание обоих факторов – идейно-политического соперничества и опоры на атомное оружие – делало противостояние между сверхдержавами особенно взрывоопасным.

С американской стороны характерным примером идеологической нетерпимости, подкрепленной атомными амбициями, явилась книга Джеймса Бернхэма «Борьба за обла-

дание миром», вышедшая в 1947 г. – вскоре после фултоновской речи Черчилля о *железном занавесе*. Бернхэм анализировал мировую ситуацию с двух направлений: с угла претензий на глобальное превосходство (здесь, по его мнению, существовали два реальных претендента – США и СССР) и с точки зрения роли, которую способно выполнить в мировой политике атомное оружие.

Бернхэм признавал, что атомная бомба несет в себе смертельную угрозу для человечества. Если она станет достоянием нескольких государств, неизбежна война с ее губительными последствиями. Чтобы этого избежать, необходима, по Бернхэму, монополия на атомную бомбу. Таковая осуществима через установление глобальной империи. Если ее построит Советский Союз (в подтверждение этой возможности Бернхэм рисует подробные схемы, призванные показать глобальный масштаб советского экспансионизма), то возникнет тоталитарная структура. Если же во главе империи окажутся США, то речь пойдет о торжестве демократии.

Бернхэм требовал от Вашингтона отказаться от колебаний во внешней политике между изоляционизмом и умиротворением коммунизма. Должна быть отброшена и доктрина невмешательства во внутренние дела других государств.

Если СССР обретет атомное оружие, он пустит его в ход и одержит победу, предупреждал Бернхэм. Если же США перестанут мешкать и нанесут упреждающие атомные удары, победа будет на их стороне. Бернхэм писал: «Представьте себе [...] что к моменту начала войны у Советского Союза еще не будет атомного оружия. В этом случае, разумеется, не последует немедленного возмездия в ответ на изначальное массированное атомное нападение со стороны США. Это означает, что начальный этап войны станет грандиозной победой для Соединенных Штатов»⁹.

Генеральный вывод в книге Бернхэма звучал следующим образом: «Реальность такова, что единственной альтернативой коммунистической Глобальной Империи является Американская Империя, которая была бы способна – хотя и не будучи всеохватной с точки зрения ее номинальных границ – осуществлять решающий контроль в масштабах земного шара»¹⁰.

Планы превентивной войны, выдвигавшиеся Бернхэмом и некоторыми другими американскими идеологами, остались невостребованными. Трезвомыслящие политики в Вашингтоне не могли не принять в расчет, что у США даже в условиях атомной монополии не было достаточных военных средств, чтобы гарантированно и безнаказанно сокрушить СССР. Начав войну, можно было потерять Западную Европу. А в августе 1949 г. атомная бомба появилась и в советском арсенале. КБ-11, размещившееся в Арзамасе-16, догнало американский *Проект Манхэттен*, над которым трудились ученые в Лос-Аламосе.

УЖАСНЫЙ ГРЕХ

Другое влиятельное крыло американской политологии выступило с рекомендациями, которые, по существу, отклоняли опасный радикализм сторонников превентивного использования атомного оружия. В этом в значительной мере состоял пафос статьи Джорджа Кеннана «Источники советского поведения», помещенной под псевдонимом *Г-н X* в июльском номере журнала *Foreign Affairs* за 1947 г. и предлагавшей сосредоточиться на *сдерживании (containment)* коммунизма, опираясь в первую очередь на политические средства.

В своих мемуарах Джордж Кеннан следующим образом характеризует смятенное состояние политических умов в Вашингтоне в первые послевоенные годы:

«Весной 1947 г. было почти невозможно представить себе, каким образом можно спасти Европу. В наших головах царил полная неразбериха [...] Состояние экономики континента оказалось намного хуже, чем предполагалось, и быстро ухудшалось. В Конгрессе превалировало мнение, что любая зарубежная помощь – не более как мышиная возня. Коммунисты держали Францию за горло. Завеса страха, растерянности и замешательства накрыла континент и парализовала всю конструктивную деятельность. Молотов проявлял непреклонность за столом переговоров в Москве, считая, что советской стороне не стоит платить американцам за то, что и так попадет в руки русских подобно созревшему плоду в результате естественного развития событий»¹¹.

Разделяя неприязнь Дж. Бернхэма к «мягкотелым либералам», стоящим на позициях «умиротворения» коммунизма, Джордж Кеннан вместе с тем отвергал тезис о стремлении Советского Союза к развязыванию войны. В своем неотправленном письме Уолтеру Липпману (1948 г.) он подчеркивал:

«Россия не собирается завоевывать кого-либо. Она попыталась сделать это с Финляндией и обожгла пальцы. Войны русские не хотят ни в коем случае. И, прежде всего, они не хотят твердых обязательств, которые могут привести к военным столкновениям, поэтому предпочитают обходиться политическими средствами, используя марионеток»¹².

С учетом этих предпосылок Дж. Кеннан объясняет смысл своей анонимной статьи, сделавшей эпоху в политике Вашингтона:

«Когда я писал статью «Х», то [...] имел в виду тот факт, что многие люди, видя бесперспективность попыток добиться договоренности с советскими лидерами о послевоенном порядке в Европе и Азии, впадали в паническое настроение, считая новую войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами неизбежной.

Именно по этой проблеме я и начал дискуссию в своей статье, полагая, что [...] роковой неизбежности войны нет. На мой взгляд, существовал другой (очень простой) путь решения этой проблемы [...] Вместо того чтобы делать бессмысленные односторонние уступки Кремлю, надо было переходить к инспирированию и поддержке сопротивления попыткам Советов к расширению регионов своего политического влияния и установлению там доминирующего положения, ожидая ослабления советской мощи и обуздания советских амбиций и поведения. Советские лидеры, какими бы грозными они ни были, не являются суперменами. Подобно правителям всех крупных стран, им приходится решать вопросы, связанные с внутренними противоречиями и дилеммами. Поэтому нам следовало бы, не проявляя агрессии, но сохраняя хладнокровие и решительность, просто-напросто выждать, пока сработает время.

Вот, собственно, и все, чего я хотел добиться своей статьей»¹³.

Таким образом, Дж. Кеннан выступил за жесткую политику *сдерживания* (*containment*) коммунистической экспансии. Американский *план Маршалла* по оказанию финансовой помощи в восстановлении экономики Западной Европы и учреждение в 1949 г. Североатлантического блока можно считать практическим выражением такой политики. При этом, однако, он был не из тех, кто проявлял склонность жонглировать атомной бомбой, грозя пустить ее в ход. Дж. Кеннан не предлагал уход от перспективы острого соперничества между капитализмом и социализмом, но был категорически против провоцирования военной схватки между двумя системами. Тем более с применением атомного оружия.

Этому своему отнюдь не легковесному отношению к ядерному фактору во внешней политике Дж. Кеннан остался верен и в дальнейшем.

Кеннан не был одинок в своих размышлениях. Влиятельный идеолог Рейнхольд Нибур в начале 1952 г., то есть в разгар войны на Корейском полуострове, обрушивая критику на коммунистическую идеологию и советский режим, которым противостояла Америка, и будучи озабочен бурными политическими движениями в странах Азии, вместе с тем предостерегал против ставки на военное, экономическое и технологическое превосходство в качестве средства для изменения хода исторического развития.

Р. Нибур с явным сочувствием констатирует опасения по поводу внешней политики США, получившие распространение в Западной Европе:

«То, что у европейских стран, в большей степени привыкших к трагическим разворотам истории, все еще сохраняется определенное беспокойство по поводу нашего лидерства в мировом сообществе, объясняется их страхом, как бы наша *технократическая* склонность отождествлять способность подчинять природу со способностью руководить историческим процессом не ввергла нас в состояние нетерпения по поводу ухабистого развития истории. Из-за неизбежных разочарований в этой связи мы можем впасть в истерику, нас может обуять соблазн подвести итог всей современной истории с помощью одного последнего и могучего усилия, направленного на преодо-

ление этих разочарований. В политике такое усилие называется превентивной войной. Такого рода соблазн не грозит нам сей момент, но лет через 10–20 он может стать реальным»¹⁴.

Подобно Кеннану, Нибур советует американскому руководству не терять головы и переждать, пока минуют крупные этапы истории, и заняться тем временем отражением непосредственных угроз¹⁵. Соединенным Штатам, по Нибуру, надо «быть готовыми к терпеливой шахматной игре с упрямыми силами исторической судьбы»¹⁶.

Итак, Нибур в противоположность Бернхэму предостерег от развязывания *превентивной войны* против СССР. Американский теолог, кстати, уловил двойственность моральной оценки ядерного оружия.

«Соединенные Штаты, – писал Нибур, – стали обладателями абсолютного оружия, которое точно воплощает и символизирует моральную неопределенность реальной войны. Мы не могли бы отказаться от возможного использования ядерного оружия ввиду того, в частности, что ни одно находящееся под угрозой государство не имеет морального права отказываться от оружия, которое способно обеспечить его выживание. В отличие от некоторых индивидов, всякое государство лишено способности предпочесть благородную смерть сомнительному, с точки зрения нравственности, выживанию [...] Однако если бы нам пришлось применить ядерное оружие, мы впали бы в ужасный грех. Мы сумели бы обеспечить выживание страны в мире, в котором лучше было бы не жить вовсе»¹⁷.

СОМНЕНИЯ В УЧЕНОЙ СРЕДЕ

Червь сомнения по поводу морально-этической состоятельности атомного оружия как средства для достижения политических целей довольно рано начал закрадываться в души американских физиков-теоретиков.

Поначалу все в этом отношении шло гладко – работа в атомной области на опережение фашистской Германии вопросов не вызывала. Сама мысль о возможности атомной монополии в руках Гитлера побуждала к удвоению усилий. Ситуация стала меняться, когда замаячила перспектива применения атомной бомбы против Японии.

С подачи Лео Сцилларда, работавшего тогда в Чикагском университете, сотрудник атомной лаборатории в Лос-Аламосе Эдвард Теллер летом 1945 г. предпринял попытку организовать петицию ученых с призывом к администрации президента Г. Трумэна отказаться от идеи бомбардировки японских городов, исходя из соображений гуманности и отсутствия очевидной военной необходимости. Узнав, какого рода текст предлагает подписать Л. Сциллард, Роберт Оппенгеймер, руководивший «Проектом Манхэттен», в резкой форме воспротивился этой затее, указав на то, что вопросы применения атомного оружия должны находиться в исключительном ведении политиков, облеченных доверием избирателей и опирающихся в своих действиях на осведомленность в отношении множества факторов, недоступных для широкой публики. Теллер отступил, признав убедительность доводов Оппенгеймера.

Сомнения ожили, когда до Лос-Аламоса дошла информация о последствиях бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 г.

Э. Теллер вспоминает:

«Ученый коллоквиум на той неделе был посвящен разглядыванию первых фотографий с изображением разрушений в Хиросиме. Я вспомнил о предложениях Сцилларда. Особую тревогу вызывали фотографии. Я задавался вопросом, нужны ли такие разрушения. А потом, буквально через три дня, 9 августа 1945 г., плутониевая бомба была сброшена на Нагасаки. Помню, как я говорил Лауре, супруге Энрико Ферми: «Если так пойдет и дальше, я уеду отсюда». Но потом, 14 августа 1945 г., поступили важные новости: Япония капитулировала! Война закончилась. Празднование, сопровождаемое восторгами и чувством облегчения, продолжалось до поздней ночи. И я радовался наравне с другими. Но я продолжал испытывать горечь, что не был произведен демонстрационный взрыв»¹⁸.

По мнению Теллера, такой взрыв в ночное время на 10-километровой высоте над Токийским заливом произвел бы должное психологическое воздействие, убедив японцев в бесполезности сопротивления и одновременно избавив от непомерных жертв. Развертывание на рубеже 1940–50-х гг. активных работ по созданию водородной бомбы дало толчок новому раунду дискуссий в США относительно моральной легитимности ядерного оружия. Теллер и ряд других видных американских ученых не испытывали колебаний по этому вопросу. Никакая сдержанность со стороны США в этой области, считали они, не остановит соответствующие советские программы. Между тем США не могут позволить себе военно-силового отставания, не рискуя интересами национальной безопасности.

Но были и несогласные с таким подходом. От переезда в Лос-Аламос для участия в работе над водородной бомбой уклонился Ханс Бете. В секретном докладе Главного консультативного комитета, подписанном в числе прочих Джеймсом Конантом и Робертом Оппенгеймером (но не Гленном Сибургом, который придерживался иной точки зрения), содержалось предупреждение против создания водородной бомбы ввиду ее «безгранично большой разрушительной силы и опасности превращения в *орудие геноцида*». В отдельном докладе за подписью Энрико Ферми и Исидора Раби излагались схожие оценки¹⁹.

Выражая обеспокоенность этой группы ученых, Альберт Эйнштейн в марте 1950 г. в статье, озаглавленной «Вооружения не в состоянии обеспечить безопасность», отмечал:

«Гонка вооружений между США и СССР, первоначально задуманная в качестве превентивной меры, приобретает истерический характер. Обеими сторонами средства массового уничтожения совершенствуются в лихорадочном темпе под благопристойной завесой секретности. Водородная бомба маячит на общественном горизонте как вполне достижимая цель. Ускорение работ по ее созданию было торжественно прокламировано президентом. Если эти усилия увенчаются успехом, то можно сказать, что радиоактивное заражение атмосферы и, следовательно, полное уничтожение жизни на Земле находятся в пределах наших технологических возможностей. Эта перспектива надвигается подобно наваждению благодаря заключенной внутри нее инерции. Каждый шаг предстает как неизбежное следствие предыдущего. А в конце все яснее и яснее проступает картина всеобщего уничтожения»²⁰.

По существу, такие же сомнения роились в головах ведущих советских физиков.

В 1955 г. после первого полноценного испытания советской водородной бомбы руководители атомного проекта академики Курчатов, Алиханов, Александров и Виноградов направили в партийное руководство письмо, где говорилось, что после создания супероружия мировая война становится невозможной. Она приведет к уничтожению человечества и потому необходима новая международная политика. Маленков это пацифистское письмо поддержал, а Хрущев использовал политическую близорукость товарища по партии для его свержения²¹.

Проникновение пацифистских, а лучше сказать, здравых концепций в государственническую среду проходило не бесконфликтно. Характерен эпизод, о котором в своих мемуарах рассказывает академик А.Д. Сахаров. После уже упомянутого успешного испытания водородной бомбы над Семипалатинским полигоном в ноябре 1955 г. участники этого мероприятия были приглашены на банкет в узком кругу у главнокомандующего ракетных войск маршала М.И. Неделина. Сахаров вспоминает:

«Неделин кивнул в мою сторону, приглашая произнести первый тост. Я взял бокал, встал и сказал примерно следующее:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда – над городами.

За столом наступило молчание, как будто я произнес нечто неприличное. Все замерли. Неделин усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал:

– Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубашке, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направить я и сама сумею!» Давайте выпьем за укрепление».

Маршальская притча не была шуткой. Неделин счел необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону, поставить на место меня и всех других, кому может прийти в голову нечто подобное. Смысл его рассказика (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим. Мы – изобретатели, ученые, инженеры, рабочие – сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать – «направлять», словами притчи, будут они – те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии»²².

Ситуация, почти идентичная спору между Теллером и Оппенгеймером в 1945 г. в Лос-Аламосе. На сей раз в роли Оппенгеймера выступал маршал Неделин.

Милитаризация международной политики, нарастание ядерной опасности не оставили равнодушной мировую общественность – развернулось широкое движение сторонников мира. Видную роль в этом движении – наряду с крупнейшими учеными, политиками, художниками, общественными деятелями – сыграли представители церкви различных конфессий.

В унисон с этим порывом советская дипломатия выступила с проектами многосторонней договоренности, направленной на поэтапный запрет и уничтожение ядерного оружия под международным контролем.

В обстановке холодной войны эти предложения многим показались пропагандистскими. Возможно, что в известной мере так оно и было, но при всем том это была пропаганда в пользу мира – против ядерной войны и ядерного шантажа. Свою позитивную роль она сыграла, показав, что угрозу ядерной войны может гарантированно устранить лишь полная и всеобщая ликвидация ядерных арсеналов.

Понадобилось, однако, еще выше подняться по лестнице ядерной гонки, взорвать бомбу мощностью в несколько десятков мегатонн, так называемую *кузькину мать*, а потом, в октябре 1962 г. пройти через опаснейший ракетно-ядерный кризис вокруг Кубы, чтобы политики осознали наконец необходимость попятного движения – не наращивания, а ограничения и сокращения ядерных вооружений. Во имя собственной безопасности и международной стабильности.

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Механизм ядерного сдерживания/устрашения представляет собой продукт политики конфронтации, практиковавшийся в годы холодной войны.

Но в не меньшей степени эта концепция – почти неизбежная функция, вытекающая из самого факта существования ядерного оружия в руках двух или более государств. Ядерная бомба в руках другого государства – слишком грозное оружие, чтобы не воспринимать ее как потенциальную угрозу собственной безопасности. Поэтому если, к примеру, имеются два государства, каждое из которых располагает арсеналом ядерного оружия сдерживания, между этими государствами, по существу, автоматически возникает ситуация **взаимного** ядерного сдерживания/устрашения.

Тем не менее, следуя, по-видимому, советской традиции, российская военная доктрина избегает использования термина *взаимное* в данном контексте. Между тем применительно, во всяком случае, к российско-американскому ядерному сдерживанию/устрашению это, как представляется, объективная, экзистенциальная данность.

С некоторых пор – примерно с начала 1960-х гг. – важнейшим элементом механизма ядерного сдерживания/устрашения стала концепция *взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ)*, или, по-английски – *mutual assured destruction (MAD)*. Именно такую кару сулят друг другу участники сдерживания в случае возникновения ядерной войны. Эта взаимная угроза отвращает их от ядерной агрессии – царит мир, или ядерный пат.

Соответствующие ведомства зорко наблюдают за тем, чтобы обещанное уничтожение стало действительно гарантированным. Американским министром обороны Робертом Макнамарой в свое время были обнародованы нормы таких гарантий. С подробными выкладками, характеризующими степень ущерба, который был бы нанесен СССР или США в зависимости от количества взорванных на их территории ядерных зарядов, выступил в свое время теоретик Герман Кан. На каком-то этапе *футурология ядерной войны* развилась чуть ли не в особый раздел политологии.

То, что в рамках сдерживания/устрашения состояние отсутствия войны поддерживается с помощью угрозы взаимного ядерного уничтожения, то есть баланса ужаса, само по себе создает немалые затруднения для каждого, кто попытался бы дать оценку механизму сдерживания с точки зрения христианской этики. Возможно, известным утешением здесь мог бы стать тезис о выборе меньшего зла: ядерная война – плохо, и мир при опоре на ВГУ – не идеал, но все же неизмеримо лучше, чем война. Недаром убежденный сторонник и толкователь христианской морали, классик юриспруденции Гуго Гроций еще в 1646 г. отмечал: «[...] Когда невозможно избежать выбора, то наименьшее зло заменяет добро»²³.

УСТОЙЧИВО ЛИ СДЕРЖИВАНИЕ?

Возникает вопрос – насколько устойчивым является ядерное сдерживание/устрашение? Можно ли с полной уверенностью полагаться на этот механизм поддержания мира?

Идеология сдерживания в ее нынешнем виде подпирается множеством теоретических доводов – от специфических военных расчетов до сугубо психологических. Ведь сдерживание рассчитано на то, чтобы воздействовать на поведение и мировосприятие конкретных людей (руководителей государств и работников их военных структур), причем находящихся в здравом рассудке и не подверженных влиянию со стороны тех или иных сект фанатиков. В мире иррациональных побуждений логика сдерживания чахнет. Доступ в клуб ядерного сдерживания для фанатиков должен быть закрыт.

Одним из центральных понятий является концепция убедительности сдерживания. Чтобы рука предполагаемого противника не потянулась к ядерной кнопке, он должен быть в курсе того, что возможная жертва его агрессии обладает достаточной военной силой, чтобы в неминуемом ударе возмездия нанести ему непоправимый урон. Но этого мало. Сдерживание только тогда будет по-настоящему убедительным, если предполагаемый агрессор будет знать, что возможная жертва его атаки исполнена решимости пустить в ход свою ядерную мощь в ответном ударе. Понятия убедительности и решимости в рамках стратегии сдерживания соседствуют.

Наличие воли – отнюдь не пустяк. Возможна ситуация, когда надо будет преодолевать суровую дилемму – либо смириться с утратой крупных объектов на своей территории в результате вражеской ракетно-ядерной атаки, либо давать «добро» ответному ядерному залпу с перспективой развязывания всеобщего ядерного побоища. Именно эти возможности таит в себе *ядерный чемоданчик*, который постоянно находится вблизи высших руководителей ядерных держав. Как отмечалось в докладе *Комиссии Скоукрофта* (1983 г.):

«Сдерживание не является и не может быть блефом. Чтобы сдерживание было эффективным, мы должны не просто обладать вооружениями – нас должны воспринимать в качестве способных и готовых, в случае необходимости, применить их действенным образом против ключевых элементов советской мощи»²⁴.

Для доведения до вероятного противника информации, что воля (или готовность) пойти – в надлежущей ситуации – на использование для целей возмездия своего ядерного арсенала в самом деле наличествует, применяются различные способы и каналы.

Самый очевидный и публичный – провозглашение тех или иных военно-политических доктрин. В США к таковым относятся доктрина «массированного возмездия» (1954 г.) и пришедшая ей на смену доктрина «гибкого реагирования» (1961 г.), действующая – с теми или иными модификациями – по сей день.

Кстати, кризис концепции *массированного возмездия*, предусматривавшего мощный ядерный удар в местах по выбору американской стороны, в значительной степени был связан, как считали критики этой установки, с утратой убедительности такой угрозы в глазах предполагаемого противника. Получалось, что на любую мало-мальски значимую угрозу своим интересам США были готовы ответить массированным применением ядерного оружия. В период подавляющего военного превосходства США такого рода запугивание могло рассчитывать на успех. Но по мере выравнивания советско-американского ядерного баланса вследствие успехов военного строительства в СССР рассчитывать на победу в ядерном столкновении становилось невозможным. Критики в США стали говорить, что *массированное возмездие* представляет собой пустую декларацию либо отсутствие всякой политики, то есть, в практическом плане, заведомое признание своего поражения. Трудно решиться на отпор, если единственный вариант ответа – массированное возмездие – означал бы всеобщую катастрофу.

Доктрина *гибкого реагирования*, предусматривая градуированный ответ на угрозу (то есть в зависимости от масштабов вызова, с которым сталкиваются США), призвана подтвердить решимость (волю) Вашингтона пустить в ход ядерное оружие, если у него не останется другого выбора. Предполагается, что нажать ядерную кнопку для ответного удара в сознании, что это не конец света, будет существенно легче. *Массированное возмездие* не отменили – оно вошло в *гибкое реагирование* в качестве его составного элемента – на самый крайний случай.

Примечательно, что одним из аргументов против доктрины *массированного возмездия* был тезис о том, что ядерное оружие, в силу заключенной в нем огромной и неизбежной разрушительной мощи, ликвидировало установленную Клаузевицем взаимосвязь между войной и политикой. Подчеркивалось, что ядерная война не может быть средством достижения рациональной политической цели, поскольку она ведет лишь к всеобщему уничтожению. Появление доктрины *гибкого реагирования*, в обиходу средств которой входят обе возможности – *массированное возмездие* и *ограниченная ядерная война*, представляло собой попытку восстановить действие закона Клаузевица применительно и к ядерному оружию. Если речь идет об обмене лишь ограниченным числом ядерных ударов, то почему бы, вслед за Клаузевицем, не рассматривать такую войну как продолжение политики иными средствами? Остается, правда, грозная опасность перерастания *ограниченной* ядерной войны во всеобщую, и тогда концепция немецкого теоретика все-таки рушится – вместе с цивилизацией. Но на этот случай приходит на помощь другая возможность – поддержание стабильности сдерживания после начала боевых действий. То есть начавшуюся ядерную дуэль можно «теоретически» держать в рамках.

Следует отметить, что концепция ВГУ, тесно связанная с массированным применением ядерного оружия, исключает понятие *победы* в ядерном конфликте, чего не скажешь о контролируемой, то есть ограниченной ядерной войне. Тут ставка делается на вариант, когда кто-то из участников схватки дрогнет и не захочет подниматься еще выше по лестнице *эскалации*. Он-то и будет проигравшим.

Судя по всему, задаче обеспечить убедительность американского сдерживания служит появляющаяся время от времени в периодической и научной печати информация о составлении в недрах Пентагона перечня целей на территории России для нанесения ядерных ударов на случай войны (то же самое практиковалось и в отношении СССР). Этим занимается специальный орган – Объединенный штаб стратегического планирования целей, в обязанности которого входит выработка планов ведения ядерной войны в соответствии с политическими директивами, которые поступают от министра обороны и Комитета начальников штабов²⁵. Подобная практика находится в полном согласии с

философской сентенцией Германа Кана в его некогда нашумевшем труде «О термоядерной войне»: «Как правило, самый убедительный способ продемонстрировать свою решимость состоит в том, чтобы иметь такую решимость»²⁶. Остается, однако, вопрос: имеется ли принципиальная разница между процедурой выбора целей для нужд сдерживания и такой же процедурой в интересах подготовки к ведению реальных военных действий? Это дает повод некоторым российским авторам упрекать руководство Пентагона в неискренности.

Получается – хочешь ядерного мира, готовься к войне. И громко информируй об этом. Без этого ядерное сдерживание утрачивает весомость, делается дряблым и неэффективным.

Реализация сдерживания/устрашения порою сопровождается шумной и грозной пропагандой.

Были спекуляции о возможности использования американского ядерного оружия в Корею и в Индокитае. Во время войны на Ближнем Востоке в 1973 г. в Вашингтоне было объявлено о приведении ядерных сил в боевую готовность. События весны 1999 г., связанные с началом натовских бомбардировок Югославии, вызвали к жизни активизацию публичной ядерной активности в России. По государственному телевидению был передан сюжет, в котором тогдашний председатель Госдумы Г.Н. Селезнев вел прямой телефонный разговор с командиром подмосковной ракетной базы – обсуждался вопрос, как обстоит дело с нацеливанием ракет на американские объекты. Беспрецедентный случай – даже в самые глухие годы холодной войны такого по телевидению увидеть было нельзя. Через некоторое время президент Б.Н. Ельцин, находясь в Китае, неожиданно в присутствии тележурналистов подтвердил высокий ядерный статус России.

Не слишком ли большую ответственность берут на себя политики, прибегая – с целью убедить в чем-то своего контрагента на внешней арене – к такому средству, как бряцание ядерным арсеналом? Как представляется, делая ставку на этот прием, не следует упускать из виду, что ядерная бомба принципиально отличается от обычной. Новое оружие не уместается в старой политико-дипломатической упаковке. Велик риск. Думается, ядерная аргументация применима лишь тогда, когда задет действительно фундаментальный национальный интерес. Иначе все может кончиться либо катастрофическим конфликтом по ничтожному поводу, либо блефом.

Ядерное сдерживание/устрашение продуцирует определенную степень стабильности. Но, разумеется, далеко не абсолютную. По ряду показателей эта стабильность сугубо относительная.

У системы сдерживания – с точки зрения ее надежности – имеются узкие места. Одно из них – зависимость от функционирования компьютерной аппаратуры. Пуск, осуществляемый по сигналу от национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) о том, что на вас направляется ракетная армада противника, может – если указанное предупреждение оказалось ложным – стать первым актом войны. Из оборонца вы превращаетесь в агрессора поневоле, по неведению. Причем заниматься «разбором полетов» по итогам конфликта будет некому или почти некому. Да, собственно, велика ли разница, что послужило бы причиной для ядерного обмена: то ли стаю диких гусей электронные системы предупреждения приняли за вражеский ракетный залп, то ли действительно состоялось ядерное нападение, на которое нельзя было не отреагировать возмездием. Результат один – ядерная пустыня, мерцающая последними огнями из-под ядовитого пепла и руин.

Американский обозреватель Норман Казенс, в стремлении разобраться в этих вопросах, в середине 1980-х гг. в своей статье, посвященной функционированию ядерного сдерживания/устрашения, отмечал, что в период с 1981 по 1985 г. на экранах американских военных компьютеров более 100 раз зажегся сигнал о возможном ракетном нападении на США. К счастью, времени было достаточно, чтобы установить, что во всех случаях сигнал был ошибочным. Н. Казенс отмечает:

«Поскольку нет никаких оснований считать советскую компьютерную технологию более совершенной, необходимо признать, что ошибочные сигналы появлялись и на советских экранах. Однако то, что Америка добилась размещения пусковых установок вблизи от границ СССР, сократило время в распоряжении советских экспертов, которое необходимо для перепроверки возможных компьютерных сбоев. Например, американским ракетам *Першинг-2* потребовалось бы менее десяти минут, чтобы достичь важнейших советских целей. Поскольку этого времени будет недостаточно, чтобы исключить возможность ошибки компьютера, лицам, отвечающим за принятие решений в СССР, пришлось бы поставить вопрос о выживании своего государства в зависимости от собственных догадок. А это ставит не только советских и американских граждан, но и весь мир под угрозу из-за ошибки или сбоя в компьютере. Присутствие советских подводных лодок с баллистическими ракетами у американских берегов оказывает аналогичное воздействие на оборонную стратегию США».

По мнению Казенса, далеко не ясно, как решалась бы и проблема различения действительной атаки от провокационного пуска, осуществленного третьей стороной, например, с борта подводной лодки в расчете инициировать ядерную войну между СССР и США: «Какая-либо третья сторона, полагающая, что она в состоянии выгадать от войны между двумя другими государствами, могла бы пойти на то, чтобы запустить свою ракету на кого-то из них, тем самым дав старт ядерной цепной реакции. Теоретически *горячая линия* США–СССР задумана для того, чтобы уберечь от подобной возможности. Однако теория содержит элемент абсурда. США потратили сотни миллиардов долларов, чтобы защитить себя от возможного внезапного удара. В основе этого лежит вывод, что внезапное нападение представляет собой не просто реальную возможность, а наиболее вероятный вариант действий в случае, если противник решится на войну. Легко вообразить, насколько сюрреалистично звучал бы телефонный звонок, учиненный с целью прояснить истинное положение дел, если сторона, которой был бы адресован этот телефонный вызов, действительно-таки произвела нападение».

Предупреждает Казенс и об опасности диверсии: «В систему встроены хитроумные уловки, призванные уберечь от безответственных самовольных действий отдельных лиц. Так, каждый из четырех человек, составляющих команду, закрепленную за пусковой установкой, располагает одной четвертой ключа, необходимого для пуска. Даже если у одного из них *поедет крыша* и он попытается запустить ракету, остальные трое помешают этому. К сожалению, эта схема не обладает сто-процентной надежностью. Она не способна защитить от возможности сговора между всеми четырьмя членами команды или от насилия со стороны одного или большего числа ее членов».

Казенс приходит к выводу: «Скорее всего, ядерная война вспыхнет в условиях, когда никто не будет отчетливо осознавать, где же произошел сбой. Научный гений человека создал бесконечно иррациональную ситуацию, благодаря которой жизненные устои могут быть до неузнаваемости и безвозвратно подорваны, а оставшиеся в живых, если их можно причислить к таковым, будут гадать, как именно все это случилось»²⁷.

Похоже на сентенцию, которую приводит в своем эпохальном труде Гуго Гроций:

«Кто из обоих взялся за оружие
С бóльшим правом – неведомо то»²⁸.

О крайне ограниченном лимите времени для принятия рационального и в полной мере обоснованного решения в кризисной ситуации свидетельствует анализ концепции ядерного сдерживания, предпринятый А.Г. Арбатовым на страницах российской печати:

«[...] Руководство будет действовать на основе докладов подчиненных и их оценок обстановки, перепроверить которые или отойти от заранее составленных оперативных планов будет возможно только с риском, что ответный удар вообще не состоится. По существу, роль лидера сводится к формальности, рефлексу дрессированной мартышки, дергающей по сигналу лампочки за рычаг машинки, выдающей банан»²⁹.

Риски, свойственные сдерживанию/устрашению, стремительно возрастают, когда вместо биполярного ядерного противостояния на мировой арене – вопреки принципу нераспространения – возникает ядерная многополярность. Было бы неосмотрительно уповать на техническое несовершенство бомб или ракет новых членов ядерного содружества. Растущие арсеналы Индии и Пакистана – наглядное тому свидетельство.

Это означает, что миротворческий потенциал ядерного оружия отнюдь не безупречен. Ядерное оружие само по себе обоюдоостро и чревато глобальной катастрофой. Надежду приходится возлагать на здравомыслие, добрую волю и психологическую устойчивость политиков, контролирующих наступательные ядерные арсеналы, и их ближайших помощников. Но без соответствующей технологии, со всеми ее недостатками, тут, конечно, не обойтись.

О ЯДЕРНОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ

Карибский кризис и его преодоление явились суровым уроком для политиков, но холодную войну этот всплеск ядерной опасности не остановил. Гонка вооружений продолжалась.

И все-таки в инфраструктуре холодной войны появилась брешь – противоборствующие стороны в стремлении обеспечить национальную безопасность и упрочить международную стабильность принялись исследовать пути к договоренностям, направленным на ограничение военного соперничества. В результате этих инициатив в 1963 г. был заключен Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). Крупным успехом стало подписание в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Новой страницей в борьбе за реальное ограничение ядерных арсеналов явились начавшиеся в ноябре 1969 г. советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям – наступательным и оборонительным. В рамках этих переговоров были подготовлены, а затем подписаны – в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве – Договор об ограничении систем противоракетной обороны и временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Затем был сделан еще один шаг вперед. В 1979 г. на саммите в Вене Л.И. Брежнев и президент Дж. Картер своими подписями скрепили Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Эти исторические достижения сопровождались снижением международной напряженности, получившим наименование политики разрядки, или детанта.

Однако на рубеже 1970–80-х гг. всему этому, казалось, пришел конец. Состоялось растянувшееся на годы вторжение советских войск в Афганистан. В 1980 г. демократическая администрация президента Дж. Картера одобрила директиву *PD-59*, которая предусматривала обеспечение адекватного ядерного ответа по всему спектру возможных проявлений советской агрессивности. В США публично обсуждались варианты ведения войны против СССР с применением ядерного оружия. Не исключался и массированный ядерный удар. Уже при республиканцах весной 1983 г. президентом Рональдом Рейганом была объявлена программа создания широкомасштабной системы ПРО – так называемая СОИ.

В конце августа – начале сентября 1983 г. вспыхнула полемика вокруг сбитого советскими ПВО южнокорейского авиалайнера, оказавшегося в пределах воздушного пространства СССР на Дальнем Востоке. В ноябре того же года США приступили к развертыванию своих ракет средней дальности в Европе – на расстоянии десятиминутного полетного времени до Москвы. СССР объявил об ответных мерах и о приостановке своего участия в женевских переговорах с США по ядерным вопросам. Над миром нависла тягостная атмосфера военной тревоги.

В этот период оживления милитаристских настроений в Вашингтоне веско прозвучал голос старейшины американской политологической науки – Джорджа Кеннана, осудившего нагнетание ядерной истерии. В вышедшем в 1984 г. втором издании своей книги «Ядерное заблуждение: советско-американские отношения в атомный век», в которую вошли публичные выступления автора начиная с 1950 г., Дж. Кеннан сообщает, что еще в 1946–47 гг., когда он был одним из руководителей американского Национального во-

енного колледжа, его стало посещать «инстинктивное неприятие самой идеи, что ядерное оружие когда-либо играло важную роль в стратегии США». Использование атомной бомбы против Японии оценивалось Дж. Кеннаном как «достойный сожаления экстремизм»³⁰.

Сразу вслед за первым испытательным взрывом атомной бомбы в СССР в 1949 г. в США встал вопрос о создании водородной бомбы. В этот период, в январе 1950 г. на финише своей трехгодичной службы в Отделе политического планирования Госдепартамента, Дж. Кеннан направил на имя государственного секретаря Дина Ачесона докладную записку, которую он считает самым важным документом в своей карьере. В записке Дж. Кеннан выступил с рекомендацией отказаться от использования ядерного оружия первыми, договориться с другими государствами о запрещении его применения и исследовать возможности для установления международного контроля над таким оружием.

Судя по всему, Д. Ачесон не дал хода этой бумаге. Последовавшее вскоре решение администрации США приступить к созданию водородного оружия побудило Дж. Кеннана покинуть – как выяснилось, не окончательно – государственную службу³¹.

Со свойственным ему публицистическим темпераментом Дж. Кеннан указывает на негативные стороны американской политической жизни на стыке администраций Картера и Рейгана. При этом особый протест вызывает у Дж. Кеннана нарочитый поиск образа внешнего врага и увлечение шовинистической фразеологией. Эти тенденции, по мнению американского историка и идеолога, чреватые неверными оценками, которые, в свою очередь, способны привести к опасным действиям. Дж. Кеннан пишет:

«Наблюдая в те годы, то есть в конце 1970-х и в начале 1980-х гг., казалось бы, неумолимое нашествие истерии, открытого страха и вражды в отношении Советского Союза, но обнаруживая слишком мало объективных причин для нее, я мог лишь заподозрить, что истоки такой истерии носили, по преимуществу, субъективный характер. А это, помнится, породило у меня предположение, что речь идет о чем-то гораздо более зловещем, чем просто ошибка суждения, а именно – о подсознательной потребности у значительной части общества иметь внешнего врага – врага, на которого можно списать все невзгоды, врага, который может послужить в качестве удобного олицетворения зла, врага, в чьем заведомо нечеловечески безобразном облике можно разглядеть отражение вашей собственной непревзойденной добродетели. Возможно, все это и не было таким уж неестественным явлением с учетом разочарований и неудач, которые переживало тогда американское общество и к которым относились такие вещи, как Вьетнам, необъяснимые студенческие волнения, захват заложников, инфляция, растущая и неконтролируемая преступность, всепроникающие коррупция и цинизм самых разнообразных форм в стране, а также предчувствие, что развитие нашего общества вышло из-под контроля. Однако такого рода настроения, хотя и по большей части подсознательные, нежели явно выраженные, оказывали серьезное подспудное воздействие на обстановку. Они служили сильнейшим соблазном для политиков, которые стремились избежать вовлеченности в текущие острые внутренние проблемы. И вместо этого предпочитали поживиться легковесными шумными восторгами, которые, как правило, извлекаются с помощью отчаянного шовинистического трезвона. Психологические последствия подобных восторгов – полярная милитаризованность представлений о разногласиях между Востоком и Западом, ощущение смертельного и непримиримого конфликта, согласие с возможностью, а может быть, и неизбежностью советско-американской войны, высокомерное неприятие более благоприятных альтернатив – все это, вкуче с вытекающими из этих факторов телодвижениями в коридорах власти, создавало, как мне представлялось, ситуацию огромной, непосредственной и – что было особенно трагичным – совершенно необязательной опасности»³².

По оценке Дж. Кеннана, главная и беспрецедентная по своим масштабам угроза таилась в продолжении неконтролируемой гонки ядерных вооружений. Ничего хорошего не сулила и атмосфера взаимных обвинений и подозрений в отношениях между СССР и США. В такой обстановке «могло случиться все, что угодно», предостерегал Дж. Кеннан³³. В речи при получении Премии мира имени Альберта Эйнштейна в мае 1983 г. Дж. Кеннан подчеркнул:

«Нет таких слов, чтобы выразить всю серьезность нынешней ситуации. Дело не только в том, что наша политика сориентирована на конфликт с Советским Союзом и процесс разумных контактов между двумя правительствами, по-видимому, полностью разрушен; еще важнее тот факт, что в качестве крайнего наказующего средства в арсенале сталкивающихся политических курсов, про-

водимых руководством двух стран, выступает оружие такого типа и накопленное в столь больших количествах, что оно не может быть использовано без того, чтобы поставить под угрозу катастрофы всех нас»³⁴.

«По-моему, ядерная бомба, – заявил Дж. Кеннан, – является самым бесполезным оружием, когда-либо изобретенным человеком»³⁵. Необходимо решительным образом сократить его запасы – для нужд «сдерживания», по подсчетам Дж. Кеннана, хватило бы 20% от имеющихся ядерных арсеналов. В качестве первого шага можно было бы пойти на немедленное 50% сокращение всех видов ядерных вооружений, включая средства доставки, при контроле национальными техническими средствами.

Дж. Кеннан подтвердил в 1981 г. призыв к официальному Вашингтону отказаться от использования ядерного оружия первыми исходя из чувства простой предосторожности – любое задействование ядерного оружия на поле боя чревато опасностью эскалации³⁶.

Оппозиция Дж. Кеннана ядерному оружию окрашена в отчетливые морально-этические тона:

«Вся эта увлеченность проблемой ядерной войны представляет собою форму заболевания. Она в высшей степени отвратительна. В этой увлеченности нет надежды – только один ужас. Ее можно понять лишь как вид подсознательного отчаяния у приверженцев речений на эту тему; как некую форму устремленности к смерти, готовности совершить самоубийство из боязни смерти; как состояние ума, которое можно объяснить лишь некоей неспособностью противостоять обычным трудностям и превратностям человеческого существования; как недостаток веры или, точнее, отсутствие самой способности иметь веру, в отличие от бесчисленных поколений, живших до нас.

Я отвергаю мысль, что подобное состояние ума свойственно большинству нашего народа. Не вызывает сомнения, что у нас, по крайней мере, у большинства наших соотечественников, имеется достаточно душевной бодрости и любви к жизни, со всеми ее радостями и волнениями, равно как и со всеми неприятностями и неопределенностями, чтобы можно было выбросить вон эту мрачную увлеченность ядерной войной, распознать и заклеить ее как недуг, коим она и является и сконцентрировать внимание на подлинных вызовах и возможностях, которые располагаются за пределами этого наваждения, восстановив тем самым нашу уверенность в себе и надежду на будущее цивилизации, к которой мы принадлежим»³⁷.

Такова была реакция Дж. Кеннана на получившие широкое распространение в США дискуссии – в Конгрессе или на телеэкране – о принятой в последние месяцы президентства Дж. Картера стратегии *противостояния*, представлявшей собою еще одну модернизацию доктрины *ограниченной ядерной войны*, или *гибкого реагирования*. Надо сказать, что подчас и сами высокие участники подобных дебатов не могли не признать, что стратегическая логика заводит их в области, далекие от здравого смысла. Об этом свидетельствует, например, отрывок из слушаний по вопросу о *стратегии противостояния* в сенатском комитете по иностранным делам 16 октября 1980 г.:

«Министр обороны Браун: Хочу подчеркнуть, что мы сохраняем открытыми все варианты ответа и они [русские. – Авт.] не должны думать, что мы неотреагируем по той причине, что не располагаем правдоподобно-убедительным ответом.

Сенатор Гленн: Я запутался в вопросе, что является правдоподобным, а что – неправдоподобным. Когда разговор заходит о стирании с лица земли целых государств, вся эта проблема становится настолько немыслимой, что трудно определить норму правдоподобия и убедительности ответного удара.

Министр обороны Браун: Вот почему, когда мы об этом рассуждаем, наши замечания начинают напоминать речь умалишенного.

Сенатор Гленн: Это самое удачное заявление за сегодняшний день [...]»³⁸.

По-видимому, блуждания в лабиринтах ядерно-политической философии волей-неволей заставляют, пользуясь терминологией Германа Кана, «мыслить о немыслимом». Между тем совесть христианина, подчеркивает Дж. Кеннан, восстает против того, чтобы ядерное оружие обрекало на гибель и страдания огромные массы мирных граждан, никак не связанных с комбатантами. Более того, ядерные стратеги считают вполне прием-

лемым использовать невинных людей в качестве заложников и уничтожать их – если потребуется – в качестве наказания за те или иные неприемлемые действия их правительства³⁹.

Главный порок, свойственный ядерному оружию, по Дж. Кеннану, состоит в том, что его массированное применение нанесло бы непоправимый ущерб человечеству:

«Даже ведя легкомысленные игры ядерными вооружениями, чем мы занимаемся в настоящее время, мы подвергаем риску всю цивилизацию, частью которой мы являемся»⁴⁰. Кто мы такие, вопрошает Дж. Кеннан, чтобы ставить под угрозу уничтожения всю среду обитания, в рамках которой, по Божьему установлению, должна протекать жизнь людей? Не является ли прямым нарушением библейского установления об уважении к родителям и предкам готовность пожертвовать завоеваниями прошлой культуры, которые неминуемо погибли бы в пламени ядерной войны?⁴¹.

Дж. Кеннан приходит к выводу:

«[...] **готовность применить ядерное оружие против других человеческих существ** – против людей, которых мы знаем и которых мы никогда не видели и чью вину или невинность не нам устанавливать, и, пойдя на это, поставить под угрозу естественную структуру, на которой покоится вся цивилизация, при понимании, будто безопасность и текущие интересы нашего поколения более существенны, нежели все, что в нашей цивилизации имело место или могло иметь место ранее, – **для меня все это есть не что иное, как брошенные в лицо Бога самонадеянность, богохульство и оскорбление, причем оскорбление чудовищное по своим масштабам** (выделено нами. – *Ред.*)»⁴².

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Ядерная проблема досталась нам в наследство от холодной войны. Острая идеологическая и политическая конфронтация той эпохи, казалось бы, ушла в прошлое, а ядерная тема в политике далека от забвения.

В необычном ракурсе проблематика ядерного оружия обнаружила себя в связи с отмечавшимся в 2003 г. столетним юбилеем канонизации преподобного Серафима Саровского в качестве святого Русской православной церкви. В этом на первом взгляд сугубо внутрицерковном событии нашли выражение идеологические интересы, характерные для современного общественно-политического развития России.

Прохор Исидорович Мошнин, он же – Серафим Саровский, родился в 1754 г. Год смерти – 1833. Его канонизация случилась в 1903 г. Полвека спустя, в 1953 г., Советский Союз испытал первую в мире водородную бомбу, созданную в секретном наукограде Арзамас-16, расположившемся на месте монастыря, в котором провел свою монашескую жизнь преподобный Серафим. Тогда, правда, никакого праздника по поводу 50-летней годовщины канонизации святого не было – ни в церкви, ни среди ученых-атомщиков.

Сейчас совпадение памятных дат и место действия – столетие канонизации святого и полувековой юбилей изобретения водородной бомбы – дало повод для попыток мистическим образом совместить религиозный порыв с работами в области создания оружия массового уничтожения. Одна российская газета в очерках о торжествах в Сарове (Арзамас-16) в августе 2003 г. по случаю 100-летия канонизации Серафима Саровского написала: «Если бы преподобный Серафим не позволил здесь создать ядерную бомбу, ничего бы и не вышло»⁴³. То есть не обошлось без благословения Серафимова, хотя им самим и не изреченного.

История жизни преподобного Серафима свидетельствует, что он был далек от военных дел – даже современное ему наполеоновское нашествие на Россию не смогло прервать его многолетнее затворничество в монастыре. Серафим гораздо больше трудился по части спасения души и прославился чудотворными деяниями. Православная энциклопедия о главном в деятельности Серафима Саровского сообщает:

«Преподобный Серафим Саровский учит: «Сейте на плодородной почве, сейте и на песке, сейте и на камне: где-нибудь да прорастет семя во славу Божию». Даже скромный посев добра, по милости Всевышнего, может сбыться благодатными всходами для наших ближних и дальних и для наших собственных душ»⁴⁴.

Монашеская жизнь Серафима Саровского представляет собой религиозный подвиг – ради помощи страждущим и нуждающимся в поддержке⁴⁵.

Эпоха революционного радикализма в России напрочь прервала почитание только недавно канонизированного преподобного Серафима. Большевики в своей идеологии и практике придерживались доктрины воинствующего атеизма. Ленинский лозунг *борьбы с половщиной* не обошел и саровскую обитель – в 1919 г. она была закрыта. В начале 1920-х гг. из собора, построенного императором Николаем II, были изъяты мощи Серафима – на долгие десятилетия они исчезли из православного обихода.

Пришло время натиска новой власти на верующих и духовенство. С храмов срывали кресты, сбрасывали колокола, в кострах гибли древние намоленные иконы. Многие священнослужители попали под железную метлу репрессий.

С целью вышибить из людей религиозный дух и еще больше унижить церковь государство проводило линию на превращение храмов в складские помещения, коровники, клубы, мастерские и даже тюрьмы. К моменту учреждения Ядерного центра на месте Саровского монастыря размещался завод боеприпасов.

Саровская обитель приглянулась организаторам Ядерного центра прежде всего потому, что там было удобно учинить изолированную строго охраняемую зону. Часть лабораторий разместились непосредственно в монастырских строениях.

Не следует думать, будто Ядерный центр как-то гарантировал сохранность старинных сооружений. Разрушение монастырей и храмов было составной частью сознательно-агрессивной линии большевизма. Саровский монастырь начали ломать еще в тридцатые годы, в те же годы был, как известно, взорван и Храм Христа Спасителя в Москве.

Первую советскую атомную бомбу – детище Ядерного центра – испытали на полигоне в Семипалатинске 21 августа 1949 г. Не имеется свидетельств того, чтобы в научном коллективе, работавшем над проектом, вспомнили тогда о Серафиме Саровском, подумали о божественном. Скорее всего – наоборот. В начале 1950-х гг. были разрушены главные соборы Саровской пустыни. Под благоприятным предлогом – по причине ветхости. Но когда приступили к подрыву, провозились долго – стены оказались на редкость прочными, динамит пришлось закладывать несколько раз.

После кончины И.В. Сталина, в конце 1950-х гг., теперь уже в рамках хрущевского раунда борьбы с православием – был получен приказ подорвать сохранившуюся колокольню – она демаскирует объект. Руководству Центра удалось убедить Москву отказаться от этого намерения. Кстати, до самого последнего времени место креста на колокольне занимала телевизионная антенна, которая обслуживала город. Когда летом 2003 г. – к 100-летию канонизации св. Серафима – телевизионную антенну меняли на православный крест, горожанам пришлось пережить перерыв в телепередачах. Многие из-за этого роптали. Что касается храма Серафима Саровского, то до нынешней реставрации в нем помещался городской театр, алтарь был разрушен.

Смею предположить, что дух св. Серафима, скорее всего, никакого суждения по вопросу о создании в стенах бывшей Саровской обители атомной и водородной бомб не формулировал – Серафим сугубо мирный святой, в епархию славных покровителей российского воинства – Сергия Радонежского и Александра Невского – он не вторгался. Что же до монашеской жизни преподобного Серафима, то, как представляется, ни воспретить, ни вдохновить на создание ядерной бомбы он не мог. Политические обстоятельства середины XX в. были скрыты от него густой пеленой времени. Попытки приписать св. Се-

рафиму покровительство атомной бомбе, в сущности, равнозначны намерению переиначить прошлое, что, насколько можно судить, неподвластно даже воле Всевышнего.

Интеллектуальные и духовные мостки, которыми иные апологеты стремятся соединить Серафима Саровского с атомной/водородной бомбой, неубедительны. Они, в сущности, опираются на строку, принадлежащую не самому св. Серафиму, а содержащуюся в акафисте, составленном через семьдесят лет после его кончины, в 1903 г. по случаю канонизации: «Радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение». Между тем не секрет – не мечом и не бомбой ограждал смиреннейший Серафим российскую землю, а силою своей веры и христианской проповеди, зовущими к нравственному очищению.

Произвольные аллюзии от музейной *царь-бомбы* к раке со вновь обретенными мощами Серафима Саровского выглядят как искусственная идеологическая новация, которая не добавляет ни святости славному чудотворцу и целителю, ни техническому совершенству советской бомбы. Думается, помещать православную традицию в ядерную бомбу не следует, не следует совершать насилие над христианской моралью, уподобляясь невольно экстремизму фундаменталистов, призывавших в свое время к созданию, например, *исламской атомной бомбы*. Думается, любое поползновение приклеить к атомной бомбе ярлык исламской, конфуцианской, англиканской, буддийской, католической или православной принадлежности способно лишь придать дополнительное измерение историческому спору между конфессиями. Стоит ли разбрасывать семена раздора, раскалывать мир по признаку той или иной цивилизации? Это явилось бы попятным движением в направлении эпохи религиозных войн.

Смиреннейший Серафим рука об руку с ядерной бомбой – это противоестественный образ. Испрашивать физического или духовного исцеления у покровителя 50-мегатонной *кузькиной матери*, после взрыва которой острова Новой Земли, по слухам, сменили свои географические координаты, а по тундре еще долго бродили стада оленей, ослепших от небывалой небесной вспышки, было бы вряд ли возможным для немалого числа верующих, да и неверующих.

В истории подвига старца Серафима во имя христианства достойно восхищения то, что память о чудотворце не удалось извести, несмотря на превратности, выпавшие на долю Саровской обители. С атомной бомбой житие преподобного Серафима не вяжется. Что-то здесь не так.

После образования в 1946–47 гг. вокруг КБ-11 закрытой зоны город Саров стал носить кодовые имена-псевдонимы: Москва, Центр-300, Кремлев, Приволжская контора, Арзамас-16. Вновь свое историческое имя Саров обрел в 1995 г. Еще раньше, в 1991 г., в женскую обитель в Дивеево были перенесены заново обретенные мощи Серафима Саровского.

Хотя по соображениям режимности Саров и по сей день остается городом с пропускной системой, действующей по его периметру, восстановление православных святынь, связанных с именем преподобного Серафима, с полным основанием можно рассматривать и как покаяние за унижения, которые православные вера и церковь претерпели от большевизма. Думается, придет время, и будут найдены способы и возможности возродить в полном объеме Саровскую обитель в качестве места паломничества для всех желающих. Именно для всех, а не для какой-то их части.

Не следует только, пренебрегая исторической памятью, осуществлять *ядерную приватизацию* преподобного Серафима в границах закрытого города – соединять его нравственную проповедь с государственным делом совершенствования советского, а теперь и российского ядерных арсеналов. Кесарю – кесарево, а Богу – Богово.

Научный подвиг создания советской ядерной бомбы, благодаря которой был выстроен стратегический паритет с США, отнюдь не забыт. Макет бомбы надежно и почетно хранится в городском Музее ядерного оружия. Там ему и место, но не в храме. Советско-российская ядерная бомба не нуждается в оцерковлении. В храме, как представляется, подобает молиться не об атомной бомбе, а о сбережении и укреплении мира на земле.

Не должно вводить в заблуждение и совпадение по месту – то, что преподобный Серафим и КБ-11, хотя и совсем в разное время, действовали на одной и той же территории Саровской обители, представляет собой достойный внимания исторический факт. Так случилось – волею судеб и, в известной мере, благодаря сознательной антирелигиозной политике режима. По-другому эту ситуацию понять невозможно. Ведь если стать на иную, мистическую точку зрения, то можно вообразить, например, будто прослеживается связь между святостью Соловецкого монастыря и ГУЛАГОм, который в тридцатые годы процветал на его земле. Или взять Андроников монастырь в Москве. После Октябрьского переворота 1917 г. там был развернут один из первых советских концлагерей, где содержался «чуждый элемент». Но может ли иметь к этому отношение созданная в монастырских стенах Андреем Рублевым гениальная *Святая Троица*? Вероятно, может, но лишь как знак, оттеняющий воинственное безбожие власти, превратившей святое место в пересыльную *каталажку*.

МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Ядерное мышление человечества постоянно эволюционирует. Атомную бомбу то нещадно ругают, то принимаются расхваливать за стабилизирующие свойства. Между тем стоит заметить, что исходящие от ядерного оружия как стабилизирующие, так и дестабилизирующие воздействия на международную политику имеют общую предпосылку – способность такого оружия стать причиной беспрецедентной по своим масштабам глобальной катастрофы. На страхе перед такой перспективой базируется механизм взаимного ядерного сдерживания/устрашения.

Здесь уже говорилось о том, что концепция ВГУ, вынуждающая потенциального агрессора сидеть смирно, представляет собой прагматический выбор *наименьшего зла*. При всех оговорках следует считать справедливым утверждение, что всеобщая ядерная война представляет собой абсолютное зло. И, напротив, исполненный тревог ядерный мир – это абсолютное добро. В афористической и парадоксальной форме это выразил в свое время Бертран Рассел, выдвинувший тезис: *Better red than dead*.

Но можно ли на этом основании сказать, что миротворческая, запугивающая функция ядерных арсеналов снимает с ядерного оружия имманентное проклятие инструмента возможной глобальной катастрофы? Вряд ли – независимо от проникновенности придаваемых ему официальных названий и титулов ядерное оружие в любых ипостасях было и остается тем, чем оно является – средством массового уничтожения. Вошедший в 1960–70-е гг. в плоть и кровь международной политики принцип ограничения и сокращения ядерных вооружений вместе с принципом нераспространения ядерного оружия несут в себе сильнейший морально-этический заряд. Последовательно придерживаться этих принципов – значит работать в пользу ослабления международной напряженности, против военной угрозы, в пользу мира и стабильности. И, напротив, отход от этих принципов – это уступка мировому злу.

Позитивный морально-этический смысл имеют и шаги по поддержанию ядерных сил сдерживания, если они предпринимаются в рамках задачи соблюдения паритета, то есть в соответствии с принципом достаточности. Здесь нет противоречия. Такова современная ядерная данность.

О моральной многозначности ядерного оружия следует помнить всегда. Она – надежный путеводитель, который призван оградить от впадения в ядерную эйфорию в расчете на политический выигрш. Это важно понимать и политикам, и ученым-физикам.

Та же проблема: физики и лирики. Кому отдать предпочтение? Никому. И те, и другие – одинаково необходимы. Без лирики, то есть без морали, никак невозможно.

Ядерное оружие принадлежит к суровым реалиям нашей эпохи. Настолько суровым, что современная российская военная доктрина отвергла одностороннее обязательство СССР не применять ядерное оружие первыми. Эта перемена, надо полагать, обусловле-

на объективными потребностями обеспечения безопасности страны. Конкретный масштаб и характер угрозы могут вынудить пойти на крайнюю меру пресечения агрессии, если таковая состоится – использование ядерных средств на поле боя.

Вызывают возражения демагогические попытки разыграть атомную карту с *ура-патриотического* фланга в качестве *фишки* в рассуждениях о необходимости *восстановить величие* России. Не секрет, что, хотя биполярная конфигурация международных отношений периода холодной войны распалась, российско-американский ядерный баланс продолжает и сейчас выполнять системообразующую функцию в мировом соотношении сил. В ядерном смысле мир по-прежнему скорее *двоичен*, чем многополярен, или, тем более, однополярен. Публикуемые в печати авторитетные сообщения о практических шагах российского руководства по модернизации и обеспечению боеготовности МБР, БРПЛ, дальней бомбардировочной авиации, средств ПРО и ПВО показывают, что наш потенциал ядерного сдерживания/устрашения поддерживается на достаточном уровне. Алармизм здесь неуместен и вреден. От ядерного потенциала требуется, чтобы, с одной стороны, он обеспечивал убедительность сдерживания/устрашения, и с другой – не выглядел провокационным, что шло бы в ущерб стабильности.

Возникшие на международной арене новые опасности, связанные, прежде всего, с дальнейшим распространением ядерного оружия и обострившейся террористической угрозой, оттеснили идею ядерного разоружения как несвоевременную и утопическую. Велик соблазн придать ядерному оружию роль арбитра – *Великого Инквизитора*, которого так не хватает на международной арене, чтобы не позволить государствам сойтись в смертельной схватке за свои интересы.

Между тем было бы ошибкой преувеличивать значение миротворческой функции ядерного оружия в межгосударственных отношениях. Такой подход был бы равнозначен признанию фатальной неизбежности продолжения гонки ядерных вооружений и их расползания по поверхности Земного шара. Преобладанию силового фактора в политике не было бы конца.

Доктрина *ограниченной ядерной войны* не дает выхода из тупика ядерной угрозы. Выдвинутая в эпоху холодной войны, она вселяла обманчивые чувства некоторой безопасности по сравнению со всеобщим ядерным катаклизмом. Под влиянием этой военно-идеологической установки возникала также иллюзия возвращения ядерного оружия в арсенал военных средств, пригодных для достижения рациональных политических целей. Большая удача, что рецепты этой доктрины так и остались на бумаге. Опубликованные недавно сверхсекретные материалы Организации Варшавского Договора показывают, что *ограниченная* ядерная дуэль НАТО–ОВД превратила бы большую часть Европы в руины. И это без учета опасностей эскалации, внутренне присущих любому применению ядерного оружия в условиях реальной войны.

Находясь перед лицом глобальных вызовов невиданного масштаба – глобальное потепление, разрушение окружающей среды, эпидемии, голод огромных масс людей, кризис энергоснабжения и т.п. – человечество во имя самосохранения, в конечном счете, не сможет не задуматься о необходимости перехода к качественно новому сотрудничеству на международной арене. Хотя и через многие противоречия, этот переход уже совершается в рамках глобализации, означающей рост взаимозависимости государств и их интересов. Что касается так называемых *антиглобалистов*, в нелепой ярости громящих витрины магазинов и поджигающих автомобили добропорядочных граждан, то, думается, они поют с чужого голоса заправил международного терроризма. дезориентированные юноши вымещают недовольство своей общественной неустойчивостью на людях, которые не сделали им ничего дурного. Среди расхлебанных антиглобалистов наверняка – немалая доля проплаченных прямых агентов-провокаторов.

Противостояния по линии *социализм против капитализма*, который раскалывал мир в период холодной войны, теперь нет. Непосредственная угроза глобальной военной катастрофы отодвинута. Появились предпосылки для гармонизации интересов госу-

дарств, для совместной борьбы, наверное, с главными проклятиями XXI века – с международным терроризмом и распространением ядерного оружия.

Зависимость человечества от ядерного оружия как гаранта отсутствия войны постепенно отойдет в прошлое. В этом качестве ядерное оружие будет замещено обязывающими международными договоренностями, реализуемыми под эгидой Совета Безопасности ООН и предусматривающими строгий контроль за военной деятельностью государств вплоть до принятия коллективных принуждающих мер в случае нарушения режима поддержания мира, который будет установлен.

Центральным звеном такого режима явился бы запрет на ядерное оружие. Скорее всего, это будет не единовременный акт – государства подойдут к ядерному разоружению параллельно с поступательной гуманизацией всей системы международных отношений и укреплением взаимного доверия. В условиях конфронтации, политической склоки и активного соперничества в наращивании военных потенциалов ставить вопрос о полном и всеобщем разоружении в практическую плоскость было бы, конечно, неразумно. Но и цепенеть перед ядерным оружием, как кролик перед удавом, тоже недопустимо. И, в сущности, аморально. Мир заслуживает участи лучшей, чем сидение на ядерной пороховой бочке.

Противоречивость человеческой природы представляет собой весомый аргумент в пользу ядерного разоружения. Во избежание дьявольского соблазна ядерное оружие, в конечном счете, должно быть изъято из наших рук.

Конечно, остается интригующий вопрос о сроках – когда именно можно было бы приступить к планомерной ликвидации давно вырвавшегося из бутылки и расплодившегося ядерного джинна?

Программа, выдвинутая президентом СССР М.С. Горбачевым в январе 1986 г., предусматривала, что ядерное оружие будет уничтожено к концу XX века. Помнится, на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве мы, советские дипломаты, в соответствии с инструкциями в беседах с нашими партнерами обосновывали этот подход. Наша задача облегчалась тем, что главное внимание, по понятным причинам, мы уделяли непосредственным практическим задачам в области ограничения вооружений, укреплению Договора по ПРО, решению проблем ракет средней дальности, радикальному сокращению стратегических наступательных вооружений. Но неминуемо затрагивалась и обозначенная в Программе тема достижения безъядерного мира.

В середине 1986 г. в одной из неофициальных бесед заместитель министра обороны США Ричард Перл, с которым мне довелось готовить проект Соглашения о центрах по уменьшению ядерной опасности, интересовался моей внутренней убежденностью относительно столь близкой перспективы ядерного разоружения в условиях, когда государства еще не приблизились к политическому умиротворению. Моя реакция на этот исполненный скепсиса вопрос Перла сводилась к тому, что наряду с договоренностями по сокращению ядерных арсеналов на пути к разоружению будет меняться сам характер межгосударственных связей, все больше удаляясь от традиций холодной войны.

В скорое ядерное разоружение Ричард Перл, конечно, не верил. В лучшем случае, в ответ заметил он, это может произойти не раньше середины XXI века.

В момент нашей беседы это была загоризонтная временная отметка – будущее, далекое и туманное. Спустя двадцать лет после этой встречи срок, обозначенный Перлом, существенно приблизился. Интересно, что сказал бы он, комментируя им же обозначенную проблему?

Трудности продвижения по пути уменьшения ядерной угрозы очевидны, но их не следует превращать в тупики. Консервация политической напряженности, возврат к старым

конфликтам и поиск новых, попытки так или иначе реанимировать нравы холодной войны – не принесут дивидендов.

Полученные с американских космических роботов цветные фотографии марсианских пустынь, где, судя по всему, когда-то плескались океаны, заставляют задуматься. Что превратило Марс в унылую равнину? Почему выветрилось магнитное поле, некогда обещавшее теперь почти исчезнувшую марсианскую атмосферу? Марсианские аллегии предостерегают и понукают к действию.

Генеральный директор МАГАТЭ д-р Мохаммед Эльбаррадей в лекции при вручении ему Нобелевской премии мира 10 декабря 2005 г. подчеркнул:

«Если мы надеемся избежать самоуничтожения, ядерное оружие следует изъять из коллективного разума людей, и оно не должно играть никакой роли в нашей безопасности. Во имя этой цели мы должны гарантировать, причем с абсолютной надежностью, чтобы никакое новое государство не стало обладателем этих смертоносных вооружений. Мы должны добиться того, чтобы ядерные государства предприняли конкретные шаги в направлении ядерного разоружения. И мы должны учредить систему безопасности, которая не опирается на ядерное сдерживание»⁴⁶.

Принимая во внимание, что Мохаммед Эльбаррадей является мусульманином, эти слова воплощают фактически всецерковный экуменический призыв к осуществлению ядерного разоружения.

Сейчас, когда улеглись страсти вокруг выхода США из Договора по ПРО, можно было бы серьезно заняться изучением вопроса о постепенном отказе от концепции ВГУ путем выработки широкомасштабных российско-американских договоренностей о взаимной безопасности – вместо взаимной опасности. Такая договоренность могла бы послужить надежным барьером и против ядерного терроризма, и против потенциальных ядерных провокаторов.

В свое время на советско-американских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений был выработан и успешно применен принцип «равенства и одинаковой безопасности». То была эпоха острой политико-идеологической конфронтации. В новую эпоху отсутствия холодной войны принцип «взаимной безопасности» начал бы замену только одного термина прежней установки.

В повестке действующей доктрины российской внешней политики обозначено ядерное разоружение. Думается, этот компонент можно усилить и конкретизировать в качестве конечной цели, своего рода маяка в деле устранения ядерной угрозы.

Не стоит предаваться маниловским мечтам о полностью бесконфликтном мире – его, по-видимому, не будет никогда. Но вот решать возникающие споры, не прибегая к войне или угрозе силой, не размахивая, так сказать, ядерной берцовой костью, – такому мироустройству конструктивной альтернативы, думается, не подобрать.

Здесь главные прерогативы принадлежат Совету Безопасности ООН. Под его эгидой можно было бы учредить действенный международный механизм контроля над существующими ядерными арсеналами. Подобный контроль позволил бы исключить вероятность внезапной ядерной агрессии или четко идентифицировать источник такой опасности. В результате ядерное оружие еще на подступах к его полному запрету было бы лишено мрачного нимба терминатора человечества.

НА ВЫСТАВКЕ

Вспоминается выставка во второй половине 1950-х гг., устроенная в московском ЦПКиО имени Горького, вероятно, в ознаменование десятой годовщины атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. На высоких панно в стиле традиционной японской живописи художники – муж и жена Маруки – изобразили горе и страдания, выпавшие на долю жителей этих городов, выжженных атомным смерчем в августе 1945 г. Душераздираю-

щие сцены Дантова ада – но здесь, на этом свете, в XX веке. Ад, сотворенный руками людей.

Перелистывая по своему обыкновению книгу отзывов, я наткнулся на запись: «Зачем показывать это людям? Ведь все это случится вновь». Кто-то из зрителей не хотел, чтобы посетители парка огорчались картинами неминуемой судьбы человечества.

По состоянию на данный момент, однако, повторения трагедии японских городов удалось избежать – хотя скорую атомную стычку предсказывали многие теоретики. Благодаря Божьему соизволению. Благодаря соблюдению заветов доктрины сдерживания/устрашения, подпитываемой неугаснувшим инстинктом самосохранения. И благодаря неустанной работе дипломатии ради ограничения ядерных арсеналов, а также пока не отвернувшейся от людей капризной фортуны.

Но для безоговорочного оптимизма оснований, как представляется, недостаточно. Веру в будущее мировой цивилизации необходимо подкреплять настойчивыми совместными усилиями, направленными на предотвращение, а, в конечном счете, на исключение риска ядерной катастрофы. Люди привыкнут жить в мире без такого фактора, как угроза взаимного уничтожения. Тогда можно будет обойтись и без взаимного ядерного сдерживания, или устрашения.

Моральная амбивалентность ядерного оружия тесно связана с его функцией – участием в поддержании международной стабильности. С одной стороны, ядерное оружие заключает в себе угрозу катастрофы, а с другой – крепит равновесие военных сил. В обоих случаях цель одна – не дать разгуляться агрессивным фантазиям. Когда в результате коренных политических преобразований на международной арене ядерное оружие перестанет быть фактором глобального равновесия, забудутся и дуалистические формулы, которыми приходится пользоваться в настоящее время при его оценке с морально-этических позиций – с одной стороны, с другой стороны... Атомная бомба станет лишь средством борьбы с опасными астероидами, несущимися к Земле. Из терминатора человечества она окончательно превратится в его жиддителя. 🐼

Примечания

¹ Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах, т.2. М.: Наука, 1993. С. 391.

² Сладков Дмитрий. Серафим – значит пламенный. *Завтра*. 2003, 6 августа. С. 6.

³ Niebuhr Reinhold. *The Irony of American History*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1952. P.VII–VI.

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3, 12-е издание. М.: Новости, 1995. С. 336.

⁵ Судоплатов А.П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 314.

⁶ Джилас Милован. Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 174.

⁷ *Известия*. 2004, 28 февраля. С. 13.

⁸ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 90.

⁹ Burnham James. *The Struggle for the World*. N.Y.: The John Day Company, Inc., 1947. P. 244.

¹⁰ Ibid. P. 182.

¹¹ Кеннан Джордж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. С. 257–258.

¹² Там же. С. 256–257.

¹³ Там же. С. 259–260.

¹⁴ Niebuhr Reinhold. *Op. cit.* P. 145–146.

¹⁵ Ibid. P.146.

- ¹⁶ Ibid. P. 129.
- ¹⁷ Ibid. P. 134.
- ¹⁸ Teller Edward. *Memoirs. A Twentieth-Century Journey in Science and Politics*. Cambridge, Massachusetts: Perseus Publishing, October 2001. P. 215.
- ¹⁹ Ibid. P. 287.
- ²⁰ Ibid. P. 292–293.
- ²¹ *Известия*. 1994, 17 апреля. С. 13.
- ²² Сахаров Андрей. *Воспоминания в двух томах. Том первый*. М.: Права человека, 1996. С. 270–271.
- ²³ Гроций Гуго. *О праве войны и мира*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 538.
- ²⁴ Report of the President's Commission on Strategic Forces, April 1983. P. 2–3.
- ²⁵ Ibid. P. 2–3.
- ²⁶ Kahn Herman. *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 287.
- ²⁷ *International Herald Tribune*. 1986, 8–9 February. P. 4.
- ²⁸ Гроций Гуго. *Указ. соч.* С. 569.
- ²⁹ Арбатов Алексей. Тонкий политический инструмент. *Независимое Военное Обозрение*, 2003, 5–18 декабря. С. 4.
- ³⁰ Kennan George F. *The Nuclear Delusion: Soviet-American Relations in the Atomic Age*. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. XIV.
- ³¹ Ibid. P. XXII–XXIII.
- ³² Ibid. P. XIV.
- ³³ Ibid. P. 175.
- ³⁴ Ibid. P. 176.
- ³⁵ Ibid. P. 180.
- ³⁶ Ibid. P. 195.
- ³⁷ Ibid. P. 199–200.
- ³⁸ Nuclear War Strategy. Hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Sixth Congress, Second Session on Presidential Directive 59, Sept. 16, 1980. US Govt Printing Office, Wash., 1981. P. 22.
- ³⁹ Kennan George F. *Op.cit.* P. 203.
- ⁴⁰ Ibid. P. 204.
- ⁴¹ Ibid. P. 206.
- ⁴² Ibid. P. 206–207.
- ⁴³ Сладков Дмитрий. Серафим – значит пламенный. *Завтра*. 2003, 6 августа. С. 6.
- ⁴⁴ Православная энциклопедия. М.: Русиздат, 1999. С. 450.
- ⁴⁵ Более двадцати лет (1784–1810 гг.) преподобный Серафим провел в отшельничестве в *дальней пустыньке*, пережил нападение разбойников, получив от них тяжелые увечья. В этот период он тысячу дней и тысячу ночей пребывал в молитве в глухом лесу на камне, питаясь травой. С 1810 г. Серафим затворился в монастыре. Выйдя в 1820 г. из затвора, он начал принимать верующих, которые приходили за утешением и исцелением. Страстнохристианским человеколюбивым сердцем обладал Серафим Саровский. Он отказался от черных одеяний и ходил в белом подряснике. Пасхальная радость, вера в Воскресение Христово переполняли его весь год. Каждого он приветствовал: «Здравствуй, радость моя! Христос воскрес!». Биографы сообщают, что с детских лет Серафим находился под особым покровительством Божией Матери, которая неоднократно являлась ему. Неподалеку от Саровского монастыря – в Дивеево – он основал женскую обитель и опекал ее.

Почитание Серафима Саровского началось уже при жизни, а после его смерти к обители приезжали люди со всей страны. Канонизация преподобного Серафима состоялась по инициативе архимандрита Серафима (Чичагова), который поведал историю жизни старца императору Николаю II. В 1903 г. на торжества в Саров по случаю канонизации прибыла императорская семья в полном составе. Мечтавшая о сыне императрица Александра Федоровна с молитвами выкупалась в чудотворном источнике преподобного Серафима и вскоре понесла, а через год родила наследника престола – сына Алексея. Благодарный император распорядился соорудить в Сарове собор, в который были помещены мощи святого Серафима.

⁴⁶ IAEA Information Bulletin. 2005, 10 December. № 348. P. 2.